

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

21

ИЮЛЯ 1954 Г.

СРЕДА

№ 171 (9301)

ЦЕНА 20 КОП.

Газета Московского городского комитета
Коммунистической партии Советского Союза и Моссовета

„Шведская спичка“

НЕДАВНО я испытал... и написал огромный рассказ в печатный лист. Рассказ пойдет. Название его «Шведская спичка», а суть — пародия на уголовные рассказы. Вышел смешной рассказ», — писал в 1883 году своему знакомому автор этого произведения.

Давным-давно забыты сочинения многих авторов, подвизавшихся в журналах «Стрекоза», «Осколки», «Развлеченье». Никто, кроме специалистов, не помнит маститых столпов юмористики той поры, которые то поощрительно хлопывали по плечу, то отвергали литературные упражнения автора «Шведской спички» — московского студента-медика. Но нет ныне страны, куда не долетела бы его слава, где не знали бы и не любили Чехова!

Почему же такими долговечными оказались даже ранние его творения? Почему высмеянные им уголовные рассказы преданы забвению, а пародия на них не только полностью сохранила свою свежесть до наших дней, но, взойдя на экран, как бы обрела вторую жизнь?

Секрет — в особой прелести чеховского юмора.

Пародируя модные тогда уголовные рассказы и романы — и переводные и доморощенные подражания им, Чехов остроумно показал, как далеки они от реальной жизни.

Однако пародия могла остаться просто забавным пустячком, вышучивающим литературные условности (и тогда она умерла бы вместе с ними), если бы автор, указывая на их расхождение с правдой жизни, не запечатлел в этой миниатюре какие-

то существенные черты той эпохи. В «Шведской спичке» нет обличительной резкости, свойственной таким шедеврам, как «Унтер Пришибеев» или «Человек в футляре». Но и здесь за потешными зарисовками просвечивают грустная картина российской действительности 80-х годов прошлого века, сонная одурь уездного захламля.

Авторы фильма «Шведская спичка» — сценарист Н. Эрдман и режиссер К. Юдин, известные советскому кинозрителю комедиографы, — правильно поняли все особенности рассказа и его место в творчестве Чехова. Не в пример иным кинематографистам они подошли к экранизации похвально чутко и тактично. С нежными и по-левитановски скромными, точно отобранными чеховскими красками авторы вместе с операторами И. Гелейном, В. Захаровым и художником Г. Турылевым не собирались соперничать цветовыми щедротами и постановочной роскошью. Они не думали «сдабривать» мудрый и ясный юмор классика собственной сатирической злостью. Они не утяжеляли легкой драматической формы рассказа ненужными пристройками, памятуя, что первоисточник-то основан на принципе: «Краткость — сестра таланта».

Лаконично очерчены Чеховым характеры, но до чего же они живые и убедительные!

С самого начала розысков «убитого», долго не видя Кляузова, мы уже многое узнали о нем. И вот над «трупом» раздается возглас Дюковского: «Нас морочат, чорт возьми!.. Здесь лежит какой-то живой болван!» А

минутой позже М. Названов мастерски накладывает несколько мазков, и портрет готов: «дворянин, богатый человек... любимец богов, можно сказать» (так аттестует Кляузова становой), — а ведь и впрямь совершеннейший болван! Понятно, почему никто не заметил исчезновения этого прожигателя жизни, пока не зашевелилось у старика-садовника ленивое любопытство: «А отчего это наш барин так долго не просыпается? Целую неделю из спальни не выходит!».

В талантливом исполнении Названова, в облике, манере, в интонации, с которой излагается скотское кредо: «Любовь, водка и закуска!» или говорится одно только слово «Питаюсь», пресыщенный распутник и забулдыга Кляузов не только смешон, но и гадок.

Акульке (Г. Носова), мелькнувшей в эпизоде допроса, дана всего одна фраза. Но эта бедовая солдатка запоминается. О ней известно от многих персонажей. Барин «прозвал ее Наной». Услышав о ней, камердинер блаженно улыбается, управляющий смущенно чешет глаз, следователь сморкается, его помощник густо краснеет, исправник кашляет и зачем-то лезет в портфель, а становой барабанит пальцами по блюдечку... И во всем этом чувствуется не столько косвенный намек на превратности судьбы Акульки, сколько прямая характеристика мерзостей, присущих изображенному обществу.

Трудно выделить кого-нибудь из прекрасного актерского ансамбля, объединенного общим стремлением бережно воссоздать на экране подлинно чеховские образы. Это стремление в равной мере удалось осуществить исполнителям и больших ролей — А. Грибову (следователь), М. Яншину (становой), А. Попову (Дюковский) и эпизодическим — Н. Гриценко (управляющий), В. Покровскому (доктор), В. Колчину (Николашка), Г. Георгиу (исправник). Может быть, только игре М. Кузнецовой («становиха») недостает яркости и четкости характеристики.

Особенно отраднo, что сценарист и режиссер, не впадая в грех «отсебятин», прочитали рассказ кинематографически.

Так возник построенный на чистой пантомиме эпизод, в котором Дюковский, бросаясь на постель и орудия подушкой и воображаемым сапогом, представляет в действии картину преступления, сложившуюся в его романтически настроенном мозгу. И тем более удачно, что этот потешный эпизод, еще нагляднее выявляя замысел всего произведения, контрастирует с реальной картиной событий, которая дана уже в конце фильма, как ожившие слова мнимой жертвы преступления. Здесь прямая речь Кляузова как бы превращена в дикторский текст, комментирующий то, что беззвучно происходит на экране.

Не менее удачно переведена в живое действие реплика Дюковского о поисках им шведских спичек в лавочках, кабачках и погребках. Портсигар, который в рассказе следователь только собирается подарить своему помощнику, тоже оживает на экране и даже обрывает комической «судьбой»: в финале взбешенный неожиданным исходом дела следователь отнимает подаренный портсигар и швыряет его в грязь...

Нельзя не отметить и такой находки (тоже кинематографической), как портрет следователя, вписанный в китот: глуповатое лицо, окруженное нимбом, служит весьма меткой характеристикой персонажа.

Радует зрителя остроумная и содержательная шутка авторов, включенная в один из первых эпизодов. Когда понадобилось взломать дверь, мужики с такой подозрительной готовностью взялись за топоры, что начальство, конечно же, по собственному опыту, имея основание не доверять такому оружию в руках крестьян, шарахнулось в испуге... Это необходимый, но легкий, не выпадающий из стиля всего произведения намек на то, о чем в свое время не мог говорить Чехов.

Появившись на экранах в дни, когда отмечается память великого писателя, удачный во всех отношениях фильм «Шведская спичка» еще раз подтверждает, каким благодарным, мало еще использованным и поистине неиссякаемым источником тем и образов является творчество Чехова для нашего киноискусства.

Г. Кремлев.

НА СНИМКЕ: кадр из фильма «Шведская спичка»: следователь — артист А. ГРИБОВ, Дюковский — артист А. ПОПОВ.